

**«СИГНАЛЫ СНИЗУ» В КАЗАССР НА ЛИДЕРОВ АЛАШ,
КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ, ИЛИ
ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД А. БУКЕЙХАНОВА В 1926 ГОДУ**

Гюльнар Кайроллиновна Муканова^{1*}

¹К.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Филиала Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова г. Астана, e-mail: gulnar.mukanova1963@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9222-5893>

*Автор-корреспондент

Аннотация. Желание донести информацию «снизу», по сути, может быть вызвано: а) болезненным желанием оказаться полезным; б) внушенным опасением перемен, вследствие неординарных событий, о коих следует сообщать; в) более низменными стремлениями (зависть, обида, комплексы разного рода). Так и в годы «Малого Октября», если не учитывать ситуацию «Большого террора», население СССР имело привычку «стучать» (доносить), «сигнализировать» в партийные органы о происходящем. «Сигналы» проверялись, учитывались как нечто само собой разумеющееся, своего рода обратная связь. Те, кто «просигналил», получали повышение по службе, были на хорошем счету, как члены ВЛКСМ или ВКП(б). И, по иронии судьбы, их фамилии хранятся в архивах, партийных по большей части, республики.

Статья представляет результаты исследования «сигналов» и их авторов, которые усугубили положение не рядового человека, а – Алихана Букейханова. Исследование столкнулось с тем, что архивные записи буквально единичны; ощущение, что «сигнальщику» пришлось тщательно уничтожать следы своей ретивости. Тем не менее, сопоставительный анализ рассекреченных фактов из архивных фондов позволяет обозначить неопровержимые свидетельства социального предательства, которое вдвойне непростительно: с точки зрения казахского обычного права и общечеловеческих принципов морали.

Ключевые слова: социальная история, архивы, педтехникум, Букейханов, антропологическая экспедиция, губком, Крайком, доноительство, совершенно секретно.

***Благодарность.**

Статья написана в рамках реализации ПЦФ КН МНВО РК на тему «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».

БЕРІЛГЕН СИГНАЛДАР» НЕМЕСЕ Ә. БӨКЕЙХАНОВТЫҢ 1926 ЖЫЛҒЫ СОҢҒЫ САПАРЫ

Мұқанова Гүлнар Қайроллақызы^{1*}

¹Т.ғ.к., профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және Этнология Институтының Астана қ. филиалының Жетекші ғылыми қызметкері, Астана қ., e-mail: gulnar.mukanova1963@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9222-5893>

Аңдатпа. «Төменнен» ақпарат жеткізуге деген ұмтылыс негізінен мыналармен байланысты болуы мүмкін: а) пайдалы болуға деген қорқынышты ұмтылыс; б) хабарлауды қажет ететін ерекше оқиғалардан туындаған өзгерістерден қорқу; в) төмен ұмтылыстар (қызғаныш, реніш, әртүрлі кешендер). Осылайша, «Кіші Октябрь» жылдарында, «Ұлы террор» жағдайын ескермесек, КСРО халқы партия органдарына болып жатқан оқиғалар туралы «бақылау» (хабарлау), «белгі беру» әдетіне ие болды. «Билгілер» тексеріліп, табиғи мәселе, кері байланыс ретінде ескерілді. «Билгі бергендер» лауазымдық өсімге ие болды және комсомол немесе Бүкілодақтық Коммунистік партия (большевиктер) мүшелері ретінде құрметтелді. Және, таңқаларлығы, олардың есімдері республиканың мұрағаттарында, көбінесе партиялық мұрағаттарда сақталған.

Бұл мақалада осы «билгілер» мен олардың авторларын зерттеу нәтижелері келтірілген, бұл қарапайым адамның емес, Әлихан Бөкейхановтың жағдайын қиындатты. Зерттеу мұрағаттық жазбалардың сөзбе-сөз аз екенін көрсетті; «Сигнал беруші» өзінің құлшынысының іздерін мұқият өшіруге мәжбүр болған сияқты. Соған қарамастан, архив жинақтарынан алынған құпиясыздандырылған фактілерді салыстырмалы талдау әлеуметтік сатқындықтың бұлтартпас дәлелдерін көрсетеді, бұл екі есе кешірілмейтін: қазақ әдет-ғұрып құқығы мен жалпыадамзаттық моральдық қағидалар тұрғысынан.

Кілт сөздер: әлеуметтік тарих, архивтер, педагогикалық колледж, Бөкейханов, антропологиялық экспедиция, губерниялық комитет, облыстық комитет, айыптау, аса құпия.

IRSTI 03.20

«SIGNALS FROM BELOW» TO THE KAZASSR ON THE LEADERS OF THE ALASH, AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC STUDY, OR A. BUKEYKHANOV'S LAST VISIT IN 1926

Gulnar K. Mukanova^{1*}

¹Candidate of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Branch of the Valikhanov Institute of History and Ethnology in Astana city. Astana, Kazakhstan, e-mail: gulnar.mukanova1963@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9222-5893>

Abstract. The desire to convey information "from below" can essentially be driven by: a) a morbid desire to be useful; b) a fear of change induced by extraordinary events that need to be reported; c) baser aspirations (envy, resentment, various complexes). Thus, during the years of the "Little October," if we disregard the situation of the "Great Terror," the population of the USSR had the habit of "snitching" (reporting), "signaling" to party organs about what was happening. "Signals" were verified, taken into account as something self-evident, a kind of feedback. Those who "signaled" received promotions and were held in good esteem as members of the Komsomol or the All-Union Communist Party (Bolsheviks). And, ironically, their names are preserved in the archives, mostly party ones, of the republic.

The article presents the results of a study of "signals" and their authors, who exacerbated the situation not of an ordinary person, but of Alikhan Bukeikhanov. The study found that archival records are literally sparse; it seems the "signalman" had to meticulously erase traces of his zeal. Nevertheless, a comparative analysis of declassified facts from archival collections reveals irrefutable evidence of social betrayal, which is doubly unforgivable: from the perspective of Kazakh customary law and universal moral principles.

Keywords: social history, archives, pedagogical college, Bukeikhanov, anthropological expedition, provincial committee, regional committee, denunciation, top secret.

Введение

Природа доноительства как предмет исследования относима к задачам психологии. Однако в контексте социально-исторической антропологии и антропологии права, при изучении природы тоталитаризма этим явлением следовало бы заняться фундаментально, настолько «сигналы снизу» навредили обществу в годы массовых политических репрессий.

От доносов (устных и письменных, и гибридных) страдали практически все слои казахского, в нашем случае, общества: начиная с гражданской войны, «уличали» в антисоветской деятельности и «бывших», т.е. волостных, управителей, служивших в имперской армии, биев, баев, «аксакалов», «хаджи», ишанов и мулл, попов и торговцев-«спекулянтов».

Категориальный расклад имел тенденцию к расширению, по мере раскручивания масштабных социально-экономических проектов (коллективизация, индустриализация и проч.).

Рассекречивание письменных «сигналов» в настоящее время порождает негативный резонанс, поскольку потомки тех, кто когда-то из им известных побуждений сообщил в ОГПУ-НКВД или комитет партии о несоответствующем социальном происхождении имярек, теперь по истечении лет опасаются общественного порицания. Вместе с тем, есть моменты, возвращающие нынешнее поколение к фигурам авторитетных лидеров мнения и политиков большого масштаба, каким был А.Н. Букейханов.

Основная часть. Результаты

Именно «сигналы» стали поводом к тому, что пребывание лидера Алаш и Алаш-Орды в пределах Актюбинской губернии в 1926 году, и не просто в частной поездке, а в составе антропологической экспедиции союзной Академии наук, стало последней возможностью побывать в Казахстане. Собственно, априори будучи «лишенцем», в силу аристократического происхождения, бытности депутатом имперской Думы, руководства несоветскими партией и правительством, Алихан Нурмухамедович после событий 1926 года лишился права свободы передвижения (ограничен ПМЖ – Москва), свободы слова и печати (запрет на публикации в казахстанских СМИ), или основных гражданских прав.

Казахское степное негласное правило в обычном праве (адат) лжедоносительство и лжесвидетельство квалифицировало как тяжкие преступления, посягающие на честь личности и стабильность сообщества. Доносчика следовало изгнать за пределы аула, рода, сообщества. Абай Кунанбаев, которого почитал А.Н. Букейханов, в наставлении «Ғылым таппай мақтанба» также с горечью отмечал, что в степи процветают доносы, из-за которых страдают честные люди. Бесчестные лица используют доносы и жалобы как инструмент в борьбе за власть или имущество.

В исследуемый период «Малого Октября в Казахстане» интеллигенция была под надзором: к 1926 году ОГПУ вело активную оперативную работу и сбор компромата на бывших деятелей «Алаш-Орды» и национальную интеллигенцию. Информаторы сообщали о «националистических настроениях» в учреждениях образования и культуры, редакциях газет, аульных и сельских советах. Доносы тогда еще не были поводом к расстрелам, - лиц лишали избирательных прав, высылали, подвергали штрафам.

Соответственно, все губернские партийные руководители обязаны были реагировать на «сигналы снизу». Так и в Актюбинском губкоме партии все доносы проверялись, делались оргвыводы и в обязательном порядке направляли секретные письма в Казкрайком. В фондах Госархива Актюбинской области наше внимание привлекло письмо /под грифом Гриф — «Совершенно секретно. Лично»/ ответсекретаря Актюбинского губкома партии Беккера, адресованное Голощекину. Его содержание свидетельствует о надзоре, который был установлен за Букейхановым.

Поскольку документ не датирован, то по его содержанию нетрудно было установить, что написано оно было не ранее 29 июля 1926 года, то есть после публикации в местной газете «Кедей» заметки о новых археологических открытиях М.Грязнова. Под заметкой стояла легендарная узнаваемая подпись - «Қыр баласы» ...

Беккер взволнованно докладывал Голощекину о бывшем руководителе Алаш-Ординского правительства Букейханове (в письме отпечатано с ошибкой – Букиханов). Сообщал о его встречах в Актюбинске, делал заключение о политической опасности пребывания алашордынца на территории вверенной ему губернии. То есть априори лицо из категории «бывших», «лишенцев» как будто представляло опасность для социальной атмосферы региона. Презумпция

невиновности никоим образом не учитывалась; напротив, собирались компрометирующие материалы.

На вопрос, зачем основателю движения, одноименной партии и экс-главе правительства Алаш-Орда понадобилась публикация в советской газете – «Кедей» Актюбинской области, ответ нам видится на поверхности. Букейханов имел непосредственное отношение к инициированию и осуществлению в 1926 году научной комплексной антропологической экспедиции Академии наук СССР в Адаевский округ. Один из отрядов экспедиции работал под руководством археолога М. П. Грязнова, уроженца Тобольского края. С Грязновым Алихан Нурмухамедович был знаком. Грязнов вел раскопки со своей женой, археологом М. Комаровой. К сожалению, итоги той экспедиции упоминались после ее завершения все реже, по ряду причин, а артефакты остались в коллекциях центральных НИИ [1].

Будучи человеком разносторонним, А. Букейханов понимал важность открытий археологов и в целом научно-исследовательских работ в республике. Своей заметкой он привлекал внимание общественности, посредством печати, к найденным ценным артефактам каменного века.

Его публикация 1926 года на казахском языке под смысловым заголовком «Білім қыран ғой! Қыран қырағы ғой! Адам баласының тас тарихындағы қонысы» проникнута гордостью за то, что открытия археологов вводят степные просторы в анналы всемирной истории. Букейханов – в данном случае узнается с неожиданной грани: как популяризатор гуманитарных наук, безусловно, как патриот, ратовавший за организацию Национального музея в столице республики (тогда – г. Кзыл-Орда), где бы концентрировались артефакты, свидетельства богатой древнейшей истории края [2].

До сих пор о той поездке Алихана Нурмухамедовича его биографами сообщалось кратко. Биографы Букейханова указывают коротко, что в сентябре 1926 года он был арестован работниками ОГПУ в Актюбинске, доставлен в Москву и помещен в Бутырскую тюрьму /однако уже через 5 дней выпущен/.

Между тем, Букейханов, или его сподвижники, успел передать в редакцию актюбинской газеты «Кедей» – орган Актюбинского губисполкома и губкома ВКП(б), заметку (опубликована 29 июля 1926 года), газета выходила на арабской графике, или төте жазу [3]. Эту заметку перевели в губкоме, что также стало поводом к гонениям на редакцию «Кедей».

Букейханов, на тот момент 60-летний, однако заряженный энергией Степи, буквально фонтанировал радостными эмоциями. Позитивные эмоции А.Н. Букейханова становятся понятны, если помнить, что в феврале 1926 года в Баку начал свою работу Первый тюркологический съезд. На секциях Тюркологического форума ученые и академики из центральных НИИ СССР подчеркивали необходимость проведения комплексных археологических экспедиций, в том числе и в Казахстане. Открытие и раскопки в Западном Казахстане могильников Киргильда I и Киргильда II, Урал-Сай, Кунанбай-сай, произведенные в 1926 г. экспедицией под руководством М. П. Грязнова предоставили богатейший материал и в некотором роде пошатнули устоявшееся

на тот момент мнение специалистов, что андроновская культура характерна лишь для региона Западной Сибири. Помимо собственно артефактов каменного века, экспедиция открывала возможность научных целевых исследований в сфере краеведения, антропологии, этнологии.

Примечательно, что Букейханов, резюмируя свой очерк о находках в Актюбинской области, утвердительно писал в заметке о том, что решено казахстанские находки направить в Академию наук СССР, специалисты Ленинграда идентифицировали их ценность (нужно было уточнить датировку и проч.), и затем они должны быть возвращены в Казахстан, чтобы занять почетное место в столице г. Кызылорда, в фондах Национального музея Казахстана.

Эпилог заметки Букейханова актюбинской газете «Кедей» настолько рационален, насколько пронизан гордостью и патриотизмом за национальное достояние. Он одним из первых стал популяризировать в средствах массовой информации археологические находки в Казахстане.

То были первые находки стоянок каменного века, при его непосредственном участии в экспедиции (особенно важно – после нескольких лет безвыездного пребывания в Москве).

Отметим, что А.Н. Букейханову в 1926 году оказывали поддержку соратники по Алаш. Необходимо отметить тот факт, что не каждый редактор в «Малого Октября» решился бы опубликовать даже безобидную научную статью алашского премьера. В тот период редакцией актюбинской газеты «Кедей» руководил давний знакомый Букейханова, деятель Алаш Жанузак Жанибеков [4]. Известно, что Ж. Жанибеков имел опыт работы в редакции газеты «Қазақ» в Оренбурге, затем – редактора Акмолинской губернской газеты «Бостандық туы». Опытный публицист Ж. Жанибеков в 1926 году переехал в Актюбинск. Приняв в работу очерк Букейханова, Жанибеков издал его в июле 1926 года, в 97-ом номере. Выпускающим редактором номера был указан К. Абдуллин. К слову, редакторы не совсем пострадали, лишь на время Жанибеков оказался отстранен от должности, но затем в течение года вновь возглавлял редакцию «Кедей».

Стилистика статьи вполне идентифицирует стиль А. Букейханова, излагавшего мысли ясно и с большим заделом. Это одна из последних прижизненных публикаций в Казахстане А. Букейханова. Ее содержание обращено к молодежи, нацеленной на науку и открытия.

Ниже текст очерка «Адам баласының тас тарихындағы қонысы». Эпиграфы: «Білім қыран ғой!» и «Қыран қырағы ғой!».

Док.1.

«Білім қыран ғой!

Қыран қырағы ғой!

Адам баласының тас тарихындағы қонысы.

Жер білімін жердің жасын қабатын қарастырып сиырдың жасын мүйізінен, жылқының жасын тісінен табылғандай табады. Жердің тарихы бір неше мүшелге

бөлінеді. Біздің мүшел он екі жыл болғанда, жердің мүшелі жүз-жүз мың жылмен саналады.

Жерге адам баласы келген мүшел жер тарихында төртінші мүшел деп аталады. Жердің бұ тарихы басталғалы екі жүз мыңға жақын жыл өткен. Жер білімі жердің қабатын кітабтың бетіндей оқыды. Жердің жаңада жас қабаты өзіміз табтаб жүрген жер. Жердің ішіне қарай қазып қабатын аша берсек, бойлаған сайны ескі қарт қабат бола береді. Жер білімін жердің қабатын теңіздің, өзеннің жарын бақылап сынап біледі. Өзеннің қабағы судан қырға сатылап, басқыштап, көтеріліп кетеді. Бұрынғы заманда мың жылма, жүз мың жылма өзен осы күнгі қыр қабаққа аққан, арнасын сойя-сойя осы күнге ұлтанға түскен.

Етікшінің жұртында былғарының кесіндісі, ойшының жұртында жоңқа, ұстаның жұртында көмір қалады. Өзеннің, теңіздің басқасы қабағында, құмында жайлаған жануарлардың, балықтың, адамның, ат аунаған жерде түк қалады. Қалдығы, ұстанған қаруы сайманы – белгісі қалады. Ақ-төбеден 3 шақырымда Електің құм жағында тас мүшелі адам тарихының адамының қоңысы табылды. Мұны тапқан Академия қазақ жерін, шаруасын іздеп зертте деп жіберген білгіш құстың адамы Бұлғақ баласы. Білім адам баласын өзге жануармен аталас деп біледі. Жер тауысып барғанда адам баласы өзге жануардан ақылы мен, ақылының, қаруы, қолының шеберлігі мен айырылады. Ақыл жетелеп жоспарлап, қол құжусырады. Адам қолынан өтіп өзгерілген зат мәдениат мүшесі болады.

Алғашқы адам баласының адабиеті адам тастан қару қолданғанда басталады. Адам баласы пышақ, біз, ине, балта, масақ, қызғыш, қасықты тастан қолданып талай заманда басынан өткереді. Адам баласының тасты қару жарақ еткен тарихын тас мүшел дейді. Адамын, тас мүшелінің адамы дейді. Тас мүшелінде адам тарихы екі жүз мың жылға созылған. Таста мәдениетті кулдендіріп шеберлене келе адам қару-жарақты мысқа, қолаға аударған. Адам баласының мыс қолданған тарихын мыс мүшелі дейді. Перғауын, Мұсадан бері адам баласы қару-жарақты темірге (шойын, булат темірге жатады) айналдырды.

Біздің заманымыз тарихта темірдің мүшелі делінеді. Осы күнгі адамды құстан ұшқыр, Сулейменнен шешен, шеберге пірі еткен мәдениеттің сүйенгені темірден қару-жарақ.

Тас мүшелдеде адам баласы өзінше мәдениетке ие болады. Сондада пілдей айдын, аюдай қарулы жануарды соғып етін жейді. Осылардың сүйегі тас мүшеліндегі адамның қоңысынан етінің басынан табылады. Електің жазасынан Бұлғақ баласы тапқан тас мүшелдегі адамның жұртынан қырғыш, пышақ, масақ тағыда неше қару жарақ аспаптар табылды. Бәріде шақпақ тастан істелген. Үйшінің жұртындағы жоңқа мен кесінді ағаштай ана қару-жарақты істегенде сынып түскен тастан жоңқа табылды.

Бұ тағын бұтан алғанда қалған ағаштың томарындай жуан қалдық тас табылды. Бұған қарап бал ашсақ, Бұлғақ баласының тапқаны тас мүшеліндегі адамның қонысында ұстасының дүкенінің орны болады, тапқан нәрселер 4 жүзден асады. Бұ нәрселер Ленинград барып сынға салынып ат қойылып Қызылордада болатын.

Қазақтың Ұлт музейіне тапсырылады.

Тас мүшелінің қару жарағымен аралас мыс масақ табылды. Бұ масақты мыс мүшелінің батыры ма мергені ме жоғалтты демесек, Бұлғақ баласы тапқан қоңыс, тас мүшелінде де, мыс мүшелінде де адам баласының қоңысы болған болады.

Бұ сықылды адам баласының тас мүшеліндегі қоңыс біздің қазақтың жерінде Қостанайда ғана бұрын табылған еді. Мұндай қоңыс іздей келе қазақтың жайында талай жерден табылмақ. Адам баласы осы біздің жайды жайлағалы 2 жүз мың жыл болған болып табылып тұр.

Қыр баласы».

Газета «Кедей». № 97 от 29 июля 1926 г.

Академические отчеты М. Грязнова и М. Комаровой, в которых были изложены итоги экспедиции, увидели свет спустя год, в 1927 году, и известны узким специалистам [5].

Масштабные археологические экспедиции в Казахстане, как планировалось, не были осуществлены. Музей областного значения в Кызылорде открылся лишь в конце 1930-х, столичный статус приобрел уже другой город, Алма-Ата. С обретением независимости, Национальный музей Республики Казахстан был официально открыт в столице, г. Астана, в 2015 году, осуществился прогноз лидера Алаш.

Начавшиеся в 1930-е годы гонения на Алаш интеллигенцию заслонили тот энтузиазм, с которым выстраивались ее представителями основы музейного дела и научных изысканий, чтобы новые поколения казахстанцев с гордостью ощущали себя частью всемирного исторического процесса.

В 1933 году был арестован археолог М. П. Грязнов, сотрудник этнографического отдела Русского музея, проводивший раскопки в Центральном Казахстане вместе с А.Х. Маргуланом, открытой ими Бегазы-Дандыбаевской культуры. Грязнову вменяют, вместо лагерей, три года высылки в Вятку, и к научным изысканиям он вернется лишь в 1953 году, исследует знаменитый Пазырыкский курган и многое другое. В годы репрессий погибли А. Букейханов, Ж. Жанибеков, многие деятели Алаш. Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), где концентрировались научные результаты экспедиций по союзным и автономным республикам, будет закрыта. Большинство сотрудников, антропологов, станет жертвами чудовищных обвинений. Экспонаты из казахских степей так и останутся в Ленинграде...

Сквозь время звучит завет Кыр баласы: «Білім қыран ғой! Қыран қырағы ғой!» Дословно его перевод: «Знание – это орел. Орел же – бдителен!» В знании заключается сила, прогнозирование, логика. Потрясающий образ окрыляющего знания, создан таким решительным и мужественным, эрудированным человеком, как Алихан Нурмухамедович Букейханов. И тот порыв был в одночасье прерван «сигналом».

...Архивные источники порой безжалостно отражают истину, какая бы она ни была печальной. Как порой вступившие в ряды партии бывшие «крестьяне»

старались обеспечить себе карьерный рост и блага, ценой доноительства. Это поощрялось свыше, тем самым складывался порочный симбиоз власти и рядовых коммунистов-казахов.

К сожалению, этот тандем был нацелен против тех, кто всю свою жизнь посвятил служению казахскому народу. В 1926 году А. Букейханов в последний раз посетил республику, после чего был арестован и затем окончательно, безвыездно проживал в Москве, под контролем спецслужб. Причиной репрессий были доносы, «сигналы» ряда лиц, на которые отреагировали партийные структуры.

В Кзыл-Орду ушли письма и телеграммы Актюбинского губкома партии в вышестоящие партийные органы. Внимание привлекает телеграмма № 235/с секретаря Актюбинского губкома партии Беккера, адресованная Голощекину. Беккер доложил о бывшем руководителе Алаш-Ординского правительства Букейханове (в письме написано с ошибкой— Букиханов). Текст ниже:

Док. 2.

Ответственному секретарю Казкрайкома

т. Голощекину.

Совершенно секретно. Лично.

Актюбинск.

[Не ранее 29.07., не позднее 20.09.1926 г.]

«Считаю политически необходимым информировать Вас о вредности пребывания на территории Актюбинской губернии бывшего руководителя Алаш-ординского правительства Букейханова. Факты, указывающие на политическую опасность пребывания его на нашей территории и попытки влиять на соваппарат следующие:

1. По сообщению зав. Педтехникума тов. Имашева (член ВКП), Букейханов приходил в общежитие к аульным учителям (коих было около 100 человек, вызванных для переподготовки) и вел с ними беседу о советской политике в Казахстане, отзываясь о ней как о политике колонизаторской России, и несоответствии с национальной политикой, коей, по его мнению, нужно было бы проводить. Спросил, кто преподает им обществоведение, и, узнав, что преподаватель Имашев отозвался очень скверно о нем, ругаясь, что его, верного национала, не допускать к этой роли. После этих разговоров он очень часто имел общение с учителями.

2. Букейханов написал статью в газету, о целях экспедиции, где вскользь говорил о неправильной земельной политике советской власти в Казахстане, но это место, как меня уверили, не было помещено в нашей газете. Между тем оригинала его статьи в редакции «Кедей» я не нашел, ибо редакция будто потеряла ее, что очень подозрительно, ибо по указанию некоторых товарищей редакция наша связана с ним лично и постаралась изъять оригинал его статьи из своего архива.

3. По-видимому, значительная часть членов партии имеет связь с Букейхановым и попала под его влияние, так как целый ряд товарищей ходит к нему на квартиру, имеют с ним общение, а Зав. Педтехникумом тов. Имашев об этом открыто сказал на одном совещании о работе в ауле. Он выразился: «Вот здесь сидят как будто все коммунисты, а на самом деле здесь сидят члены трех партий: I) Алаш-Ординцы, II) Коммунисты и III) Центристы (т.е. между Алашординцами и коммунистами) (между ними). Эти три группы охватывают Казахстан снизу до верха, начиная от аула и кончая аппаратами красного значения». Заявление такое очень симптоматичное, до пребывания Букейханова у нас, таких заявлений никто не делал.

4. Есть частные сведения (не проверенные еще), что будто во время заседания земельного суда в Актюбинске, по разбору ряда земельных конфликтов, кто-то пришел из казработников и по-казахски сказал председателю суда т. Тохтыбаеву, что: «Букейханов рекомендовал решить дело так-то», и решение было принято по его указанию.

5. И, наконец, последнее. Недавно кто-то (точно кто, не известно) передавал т. Султанбекову (я сообщаю с его слов), что, когда Букейханов приехал в Адаевский уезд (по делам экспедиции), его встречали там как «Хана» с почетом. Вышло много народу, специально для него выстроили большую белую (по-видимому, Ханскую) кибитку и т.д. В общем, вдали от всех, он продолжает играть не то старого, не то Алаш-Ординского Хана, что безусловно является актом, активной противосоветской деятельностью.

Все это я считаю необходимым сообщить Вам для принятия надлежащих мер.

С тов[арищеским] приветом

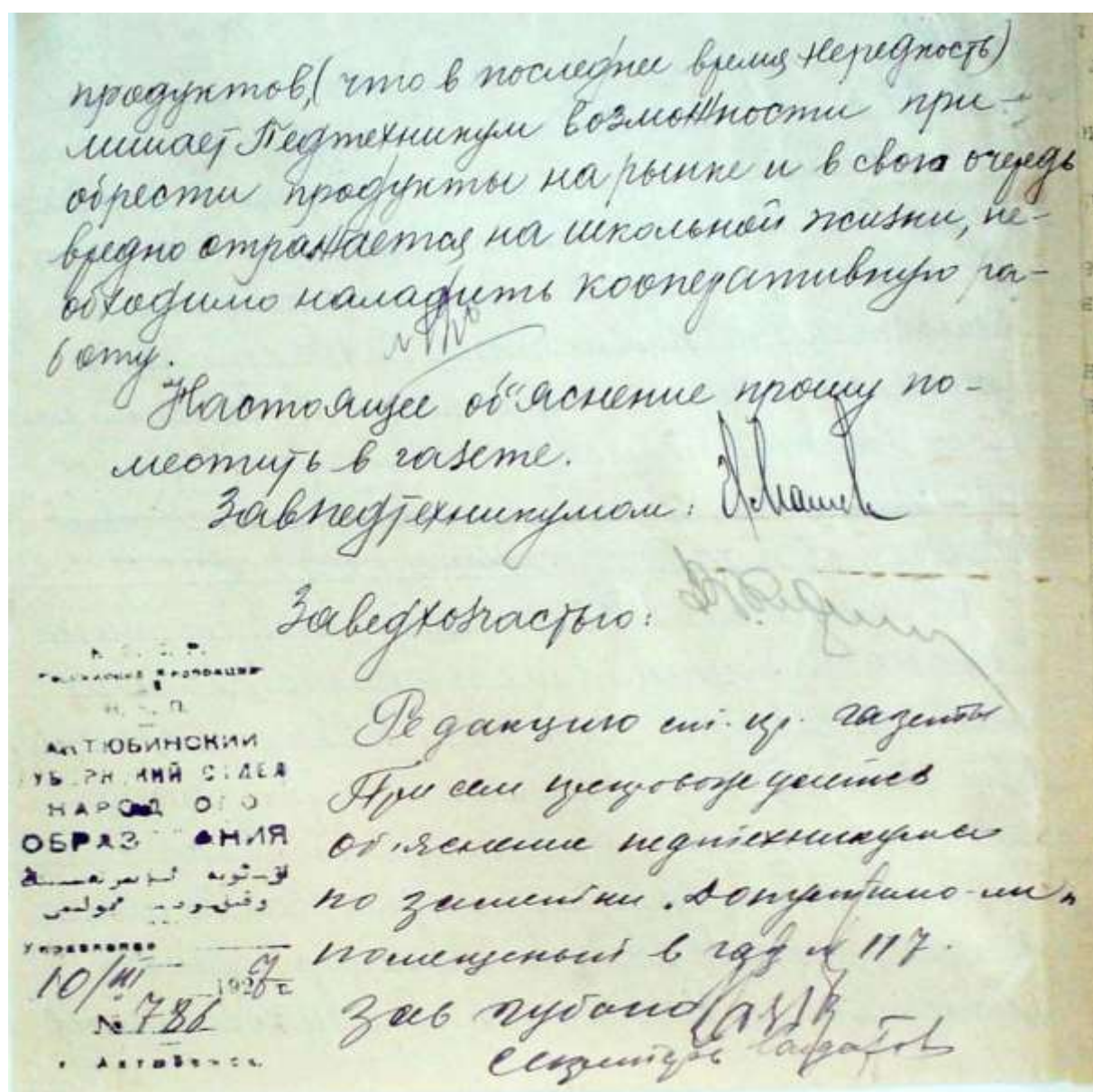
Секретарь Губкома ВКП (б) (Беккер)» [6].

Данный документ указывает на «сигналы» о прибытии и встречах Букейханова в г. Актюбинске как минимум от двух казахских руководителей: Имашева – заведующего Актюбинским педтехникумом, и Жагфара Султанбекова – на тот момент занимавшего должность председателя Актюбинского губисполкома, который 20 сентября 1926 года получит повышение и будет назначен наркомом земледелия республики.

Попытки идентификации личности Имашева на данный момент имеют весьма скромные результаты. Нам удалось выявить фамилию и документально подтвердить, что именно этот человек возглавлял учебное заведение, общежитие которого посетил Алихан Букейханов для встречи с аульными курсантами. То есть, сама находка отвергает иные версии фамилии руководителя педтехникума (якобы Шолманов или Сейфуллин), которые выдвигают коллеги. Архивы хранят

личную подпись Имашева, который оставался работать на должности заведующего Актюбинским педтехникумом и весной 1927 года, то есть в течение учебного года, который по традиции начинается в сентябре предыдущего, 1926-го [7]. Между тем, справки о руководителях данного учреждения образования на Интернет-платформах вовсе не содержат данную фамилию. Нет его между тем и в списках жертв репрессий. Из других документов имеется автограф некоего члена ВЛКСМ Миргенбая Имашева, «гражданина № 1 аула Магаджановской волости Актюбинского уезда и губернии» написанное собственноручно им 15 июля 1925 года заявление в Актюбинский губком ВЛКСМ с просьбой командировать в Краевой Казахский Институт Народного образования [8]. Однако подпись данного Имашева отличается от подписи Имашева, заведующего педтехникумом и члена ВКП(б).

Фото. Автограф Имашева, зав. Педтехникумом. 10.03.1927 г. [8]

В результате наветов злопыхателей об антисоветской подоплеке встреч с будущими учителями и статьи в газете «Кедей», информировавших губком в духе партийных установок о «лишенцах»-«бывших», Алихан Букейханов был арестован в сентябре 1927 года в Актюбинске и препровожден в Москву. По рассекреченным ныне данным архива ФСБ РФ, лидер Алаш был допрошен в Бутырке и выпущен через 5 дней, но ОГПУ за ним было установлено пристальное наблюдение [9].

Если остановиться на ключевом вопросе фундаментальных исследований Госкомиссии, методологию которых реализует Проектный офис под руководством опытного ученого-законоведа и государственника, компетентного человека и публициста С.А. Касимова, то социальный портрет жертв репрессий, то даже по отдельным категориям, в разрезе республики, он вырисовывается из текстов документов, анкет задержанных, списков конфискованных, выселенных лиц и т.д. [10].

Что касается социального портрета «сигнальщиков», как в случае с арестом и депортацией А.Н. Букейханова из Актюбинска, то вопрос этот практически не изучен. Причины кроются, по-видимому, в определенной национальной этике «ұят», когда потомки имярек сопротивляются открытию источников, публичному обсуждению доноительства, что создает помехи для исследователей.

Относительно типологии страты «сигнальщиков» советского периода трудно утверждать что-либо с уверенностью. Однако то были относительно молодые люди и лица среднего возраста, занимающие определенные номенклатурные должности. Возраст Ж. Султанбекова, 1898 г.р., в 1926 году – 28 лет. Изучая архивные документы-«сигналы», можно установить, что адресанты, чаще то были партийные структуры и органы ОГПУ-НКВД, были склонны доверять информации от членов ВЛКСМ, а еще более – от членов большевистской партии. Явные зачистки документальной базы, имевшие место в архивах, особенно в регионах, не позволяют в настоящее время с точностью аргументировать, что доносы на Букейханова сослужили одному из Имашевых искомую пользу, создав некую «бронь» от чисток и арестов...

Тогда как, природу доноительства уже изучают, в частности, на истории фашизма и сталинизма, зарубежные коллеги. Достаточно ознакомиться с публикациями на эту тему Robert Gellately, 2001[11], Shella Fitzpatrick, 1996[12], Cassidy Griffin, 2019 [13] и др. Они приходят к выводу, что доноительство особенно усиливается при тоталитарных режимах, создавая для властей, неважно: нацистов или коммунистов-большевиков, - иллюзию лояльности и исполнения служебного (партийного) долга подчиненными.

Заключение

Утеря этики человеческих отношений, которая была искони заложена в казахском степном обычном праве (әдет, или адат) - как писал Абай: «әдеттен озбайын», - имея в виду тонко выстраиваемые социально-возрастные и гендерные нити контактов, взаимного уважения и почитания, в советской действительности

была закономерна. Верховенство закона, под которым население должно было воспринимать созданные большевиками подобию демократических конституций и декретов, одобренных демагогией о братстве народов и начиненных «классовой» патетикой, на самом деле оборачивалось попранием элементарных норм поведения и человеческой морали.

Мелкие интриги, комплексы, низкие трайбалистские требования, к сожалению, шли в ход и имели, как в описанной выше ситуации, глубокие травматические последствия для общенациональной культуры. Как в нашем случае, конфликт оказался увязан с учебным заведением, Актюбинским педагогическим техникумом, относившимся к системе губернского отдела народного образования. Вероятно, одной из причин раздувания частного факта было то, что Казнаркомпросом летом-осенью 1926 года руководил зять Букейханова, мятежный Смагул Садвокасов, и вся акция в определенной степени была направлена и против него...

Ситуация 1926 года для Букейханова сложилась удручающе в психологическом плане, т.к., во-первых, лишила его возможности встречаться с учащейся молодежью. Сам Алихан Нурмухамедович всегда проявлял эмпатию к казахской молодежи, особенно учащейся и получающей профессию, в его статьях, письмах лидер Алаш выражались призывы к получению светского и профессионального образования, занимался организацией помощи студентам, сбором средств на стипендии через газету «Қазақ». Всем своим поведением и образом жизни он практически сформировал мировоззрение новой национальной элиты XX века, ориентированной на модернизацию коллективного самосознания и демократические ценности. Через авторские статьи, такие как: «Оқушыларға жәрдем қауымы» в газете «Қазақ» в 1915 году еще он призывал общественность к созданию фондов помощи казахским студентам, обучающимся в учебных заведениях Российской империи. Именно Букейханов призвал казахских девушек и молодых женщин обучиться профессии врача, угадал призвание будущего врача в характере своей дочери Елизаветы.

Во-вторых, он по праву рождения воспринимался в сакральной казахской ментальности как «белая кость» - ақ сүйек и действительно в аулах и на девятом году советской власти, его приветствовали согласно негласному статусу, ставили отдельную юрту и т.д. Это отмечали и составители доносов на него. Однако то, что под воздействием советской идеологии и набравшей обороты «культурной» революции ответственные казахские работники исполнительной ветви власти и руководители бюджетных организаций в области народного просвещения, выбрали другие приоритеты в своем поведении, ему было хоть и понятно, но простить этого он не мог. Думается, он догадывался, кто его «сдал», но никогда не поднимал эту тему, сделав выводы и не опускал руки, продолжив негласно противостоять невежеству большевиков своими академическими переводами и интеллектуальными трудами. Он был выше интриг.

Букейханов работал в казахской секции Центрального издательства народов СССР в Москве, занимался переводами мировой и русской литературы на казахский язык, а также подготовкой учебных пособий. Продолжал собирать и

систематизировать образцы казахского устного творчества. Симптоматично, что в 1926 году в соавторстве с Ахметом Байтурсыновым, под постоянным псевдонимом «Қыр баласы» он опубликовал в Москве сборник «23 жоқтау», охватывающий четыре века казахского фольклора через призму народных плачей-причитаний. Сборник открывается скорбным плачем Шангерей Букеева «Сыршы». В плачах о Мамай батыре его матери Караулек, плаче Манке по Қаздауысты Қазыбек бию, жоқтау Нарманбета по своему отцу Орманбету, в плачах, посвященных Кенгирбай бию, Кенесары и Наурызбаю и других авторами и составителями выражены преклонение перед казахским языком, многовековой историей и культурой народа. В сборнике опубликованы стихи Абая, оплакивавшего рано ушедшего из жизни, своего талантливого сына Абдрахмана.

Характерно, что если Алихан Нурмухамедович разрабатывал очерки по истории и этнографии казахов, родовой схеме казахов Каркаралинского уезда, то в его трудах непременно обнаруживаются упоминания о легендарном Кенесары Касымове. Память о героях и восхищение борцами за национальное освобождение, признанных вождах-защитниках казахской земли он словно завещал (аманат) молодежи, назвав своего внука Искендером и в детстве называя его Кене. Сам подбирал и дарил Кене развивающие книги, надписывая их «Кенеміз біздің ізімізді басар ма екен?».

Таким образом, для того чтобы увидеть цельную картину казахстанской трагедии, имеет смысл составить социальный портрет «сигнальщиков», поскольку «сигналы снизу» сильно навредили обществу в годы массовых политических репрессий.

Литература

1. Отчет Казакстанской экспедиции за 1926 год: из отчета о деятельности Академии наук СССР за 1926 г., ч. I и II. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1927. 23 с.
2. Муканова Г. К. Найдена неизвестная статья А. Н. Букейханова об археологических находках в Западном Казахстане // E-history.kz, 18 марта 2024 года. <https://e-history.kz/ru/news/show/339769>
3. Қыр баласы (Букейханов А. Н.). Адам баласының тас тарихындағы қонысы // *Кедей* (Актюбинск). 1926. 29 июля. № 97. С. 3.
4. Муканов К. Жертва времени [ко Дню памяти жертв политических репрессий] // Проспект СК. 2007. 18 мая. С.10.
5. Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // *Казахи: Материалы ОКИСАР* (Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик. Академия наук СССР. Л., 1927. Вып. 2. С. 172-219.
6. Государственный архив Актюбинской области. Ф.516. Оп. 1. Д. 903. Л.130-131.
7. Государственный архив Актюбинской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 435. Л. 234-235.

8. Государственный архив Актыубинской области. Ф. 516п. Оп. 1. Д. 684. Л. 245.
9. Центральный архив ФСБ России рассекретил материалы об Алихане Букейханове. Kazinform. 09 Декабрь 2016. <https://www.inform.kz/>
10. Жакишева С.А. Жестокий век в нашей истории (интервью) // *Казахстанская правда*. 2024. 30 мая. С. 9.
11. Gellately, Robert. Denunciation as a Subject of Historical Research. *Historical Social Research*. 2001. Vol. 26. No. 2/3. P. 16-29.
12. Fitzpatrick, Sheila. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s. *The Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. # 4 , 1996. P. 831-866. <https://doi.org/10.1086/245396>
13. Griffin, Cassidy. What Goes Up Must Go Down: Denunciations in the Great Terror. Sping, 2019. 54p.

References

1. Otchet Kazakstanskoj ekspedicii za 1926 god: iz otcheta o deyatel'nosti Akademii nauk SSSR za 1926 g., ch. I i II. Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1927. 23 s.
2. Mukanova G. K. Najdena neizvestnaya stat'ya A. N. Bukejhanova ob arheologicheskikh nahodkah v Zapadnom Kazahstane // E-history.kz, 18 marta 2024 goda. <https://e-history.kz/ru/news/show/339769>
3. Kyr balasy (Bukejhanov A. N.). Adam balasynyң tas tarihyndary konysy // Kedej (Aktyubinsk). 1926. 29 iyulya. № 97. S. 3.
4. Mukanov K. Zhertva vremeni [ko Dnyu pamyati zhertv politicheskikh repressij] // Prospekt SK. 2007. 18 maya. S.10.
5. Gryaznov M. P. Pogrebeniya bronzovoj epohi v Zapadnom Kazahstane // Kazahi: Materialy OKISAR (Osobyj komitet po issledovaniyu soyuznyh i avtonomnyh respublik. Akademiya nauk SSSR. L., 1927. Vyp. 2. S. 172-219.
6. Gosudarstvennyj arhiv Aktyubinskoj oblasti. F.516. Op. 1. D. 903. L.130-131.
7. Gosudarstvennyj arhiv Aktyubinskoj oblasti. F. 3. Op. 1. D. 435. L. 234-235.
8. Gosudarstvennyj arhiv Aktyubinskoj oblasti. F. 516p. Op. 1. D. 684. L. 245.
9. Central'nyj arhiv FSB Rossii rassekretil materialy ob Alihane Bukejhanove. Kazinform. 09 Dekabr' 2016. <https://www.inform.kz/>
10. Zhakisheva S.A. Zhestokij vek v nashej istorii (interv'yu) // *Kazahstanskaya pravda*. 2024. 30 maya. S. 9.
11. Gellately, Robert. Denunciation as a Subject of Historical Research. *Historical Social Research*. 2001. Vol. 26. No. 2/3. P. 16-29.
12. Fitzpatrick, Sheila. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s. *The Journal of Modern History*. 1996. Vol. 68. # 4 , 1996. P. 831-866. <https://doi.org/10.1086/245396>
13. Griffin, Cassidy. What Goes Up Must Go Down: Denunciations in the Great Terror. Sping, 2019. 54p.